Текст · 2 декабря 2019, 11:43
Александр Бородихин,

Вехи. Факты об истории присяжных в России

Институт присяжных незаметно меняет судебный ландшафт России — с лета 2018-го коллегии из шести человек появились в районных судах, а перечень подсудных им преступлений существенно расширился. Чтобы разобраться в работе современного суда присяжных, «Медиазона» предлагает вспомнить его историю — череду либеральных реформ и охранительных контрреформ с 70-летним перерывом.

Первый суд

Судебные процессы с коллегиальным рассмотрением дел при участии уполномоченных горожан описываются в «Русской правде» и судной грамоте Новгородской республики 1471 года, но до появления настоящего суда присяжных в России остается еще несколько веков. Принцип состязательности сторон был закреплен только в 1864 году, когда судебная реформа Александра II провозгласила суд гласным и открытым, отделила судебное следствие от полицейского и наделила стороны в процессе правом на представление и опровержение доказательств.

Первым судам присяжных были подсудны четыре сотни статей Уложения о наказаниях. По данным известного сторонника этого института, федерального судьи в оставке и преподавателя факультета права Высшей школы экономики Сергея Пашина, суды с участием граждан

рассматривали тогда от 20 до 40 тысяч дел в год. Исследователь-современник Александр Бобрищев-Пушкин отмечал, что присяжным после реформы досталась пятая часть всех «карательных статей» российского законодательства.

Новая модель правосудия подвергалась резкой критике консерваторов, видевших угрозу в резонансных процессах, которые часто заканчивались оправданием «крамолы». Так, в 1867 году петербургские присяжные слушали дело чиновника Протопопова, ударившего начальника; они признали его невменяемым и оправдали; среди охранителей это вызвало серьезные опасения за авторитет самодержавной власти. Но настоящую ярость лоялистской прессы и чиновников вызвал вердикт присяжных по делу революционерки Веры Засулич.

«Предаю себя, о Свобода, во власть тебе! Повелевай мною! — патетически восклицает Вера, героиня малоизвестной пьесы Оскара Уайльда. — Клянусь твоими святыми ранами, о распятая мати Свобода, не миновать Руси спасения!». Засулич ранила двумя выстрелами из револьвера петербургского градоначальника Федора Трепова, но суд сенсационно оправдал революционерку, которая не отрицала, что стреляла в высокопоставленного чиновника. В обвинительном акте ее поступок объяснялся местью за порку розгами студента-народника Боголюбова, осужденного за участие в первой публичной акции протеста в России. Засулич получила поддержку в суде: самоуправство Трепова воспринималось в Петербурге как возмутительное и совершенно недопустимое. Решению присяжных зал рукоплескал.

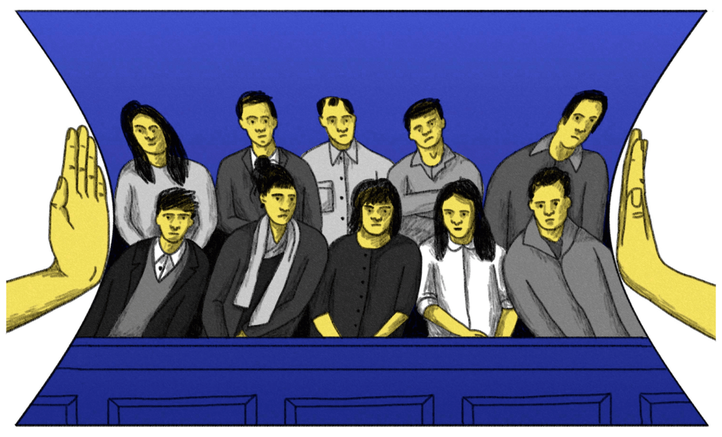

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Отказ коллегии признать Засулич виновной, хотя она не отрицала ни сам факт покушения, ни мотив мести, вызвал большой резонанс не только в России, но и за границей. «Гражданское общество не может держаться, коль скоро суд, основанный на законе и служащий ему органом, будет оправдывать преступление и возводить его в апофеозу, — возмущалась консервативная газета "Московские ведомости" и цитировала европейскую прессу, увидевшую в оправдании Засулич начало перехода власти в руки народа. — Вот в каком виде вдруг

представилась Россия в Европе. Это ошибка; ничего общего с Русским народом этот возмутительный и нелепый случай не имеет; но эта ошибка кому служит в пользу? Бараны петербургской печати, вчерашние патриоты, сослужили хорошую службу России в эти трудные для нее минуты». По итогам процесса Засулич министр юстиции граф Константин Пален был отправлен в отставку, председательствовавшего в суде Анатолия Кони перевели в гражданский департамент.

Размышления о деле Веры Засулич беспокоили начальника управления Минюста по Северо-Западному федеральному округу, будущего главу Следственного комитета Александра Бастрыкина еще в 2003 году. В статье для журнала «Время и право» он возмущался почетным местом, которое отводила суду над Засулич официальная советская историография, и разоблачал «чародейство» защитников. Не решаясь назвать революционерку преступницей, Бастрыкин отдавал должное ее «исключительному личному героизму и гражданскому мужеству», но находил достойными сожаления и сам ход исторического процесса, и решение присяжных: «В результате совершенно незаметно для всех юридический процесс над подсудимой превратился в моральный процесс над обществом. А подсудимая и ее юридическая вина вообще выпали из сферы внимания и восприятия судей».

В 2010 году, рассуждая о суде присяжных в интревью «Российской газете», Бастрыкин снова вспомнил суд над народницей. «Процесс

закончился тем, что оправданную Веру Засулич вынесли на руках, а в полицию стреляли. Вот и судите, совершенен суд присяжных или нет», — заключил он.

Первое сжатие

К столь активному и самостоятельному институту присяжных самодержавная Россия оказалась не готова: юрист Иосиф Гессен писал, что судебная реформа «вошла в государственный организм инородным телом, которое по общему физиологическому закону должно быть ассимилировано или извергнуто». Вслед за реформой последовала контрреформа: компетенцию суда присяжных существенно сократили. У них отняли право рассматривать дела о преступлениях против порядка управления и о преступлениях по службе; часть дел разрешили забирать в военный суд для рассмотрения в закрытом режиме, а сами требования к отбору заседателей ужесточили.

В 1878 году Сенат определил, что в списки присяжных нельзя включать людей, «которые не имеют средств содержать себя во время участия в заседаниях уголовного суда». В 1881 году народовольцы убили императора Александра II. При Александре III в состав комиссий по составлению списков заседателей были введены чиновники, полицейские и прокуроры. Присяжным оставили только чисто уголовные дела без политической подоплеки, урезав изначальный список из 410 уголовных составов до трех сотен.

Александра III сменил Николай II, а его — Временное правительство, которое существенно расширило компетенцию присяжных, распространив принцип коллегии случайно выбранных заседателей даже на военные суды. Демократизация оказалась недолгой — 22 ноября 1917 года Совет народных комиссаров принял Декрет о суде, упраздняющий «доныне существующие общие судебные установления», в том числе и институт присяжных заседателей.

В советское время основной формой судопроизводства стал народный суд. Председательствовавший в нем народный судья избирался сроком на пять лет, а народных заседателей делегировали трудовые коллективы — но с учетом ритуального характера выборов в СССР о независимости судей говорить не приходилось.

Возвращение присяжных

Формально возвращение присяжных состоялось еще на закате СССР: в 1989 году Верховный Совет закрепил право на рассмотрение дела с их участием за подсудимыми, которым грозила смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше десяти лет.

Но в реальности первый суд с участием присяжных проходит позже — и уже в независимой России, где право обвиняемого на рассмотрение дела заседателями было закреплено в статье 47 Конституции. С 1 ноября 1993 года коллегии начинают формировать на территории Ставропольского края, Ивановской, Московской, Рязанской и Саратовской областей; с 2004 года практика распространилась на все регионы, кроме

Чечни — там суды присяжных заработали только 1 января 2010 года.

> Действующий руководитель Следственного комитета Александр Бастрыкин на протяжении двух десятилетий остается последовательным публичным критиком суда присяжных. Еще в 2003 году, руководя главным управлением Минюста по Северо-Западному округу, он писал, что «эйфория и безудержное восхваление, связанные с судом присяжных, не оправданны».
> Бастрыкин называл институт присяжных заседателей «прямым заимствованием из англо-американского судопроизводства», который в 1990-х был импортирован в Россию по инициативе «весьма узкой группы юристов западной ориентации». В своей критике Бастрыкин прибегал к стандартным доводам противников суда присяжных: заседатели чувствительны к риторике участников процесса, необъективны, не разбираются в технике исследования доказательств, и, наконец, дорого обходятся бюджету.
> Наконец, к 2010 году у главы российского следствия нашелся новый аргумент: «У нас есть еще и специфическая проблема Кавказа. Доказано практикой: не могут там родственники осудить своего соплеменника, таков менталитет горских народов. Им проще "отпустить грехи" виновному». По мнению Бастрыкина, наиболее эффективной формой суда присяжных был бы так называемый суд шеффенов «франко-немецкой модели»: «Там шесть профессиональных судей и шесть выборных. Судьи из народа — это

общественная совесть, их оценки составят нравственную половину будущего приговора. Но есть юридическая сторона и юристы подсказывают: да, это законченный состав преступления — покушение, но есть смягчающие вину обстоятельства».

Внимание прессы и общества к судам присяжных оказалось привлечено в середине 2000-х, когда они рассматривали дела военных: сначала — дважды — офицеров Сергея Аракчеева и Евгения Худякова, обвинявшихся в убийстве мирных жителей Чечни во время второй военной кампании, а затем полковника Владимира Квачкова, который, как настаивало следствие, вместе с соратниками подготовил покушение на главу РАО ЕЭС Анатолия Чубайса. Все три процесса закончились оправдательными приговорами, но всем троим — Аракчееву, Худякову и Квачкову — силовики не позволили остаться на свободе.

Сергей Аракчеев отправился в колонию после третьего по счету суда, который прошел уже без присяжных; в 2017 году он освободился условно-досрочно. Евгений Худяков в том же году был пойман после десяти лет в розыске. Владимира Квачкова, дважды оправданного присяжными, оперативники ФСБ задержали на следующий день после утверждения оправдательного приговора в Верховном суде — в итоге пожилого отставника осудили на 13 лет колонии по делу о подготовке вооруженного мятежа. После приговора по 282-й статье УК и ее последующей декриминализации полковник вышел на свободу в феврале 2019 года.

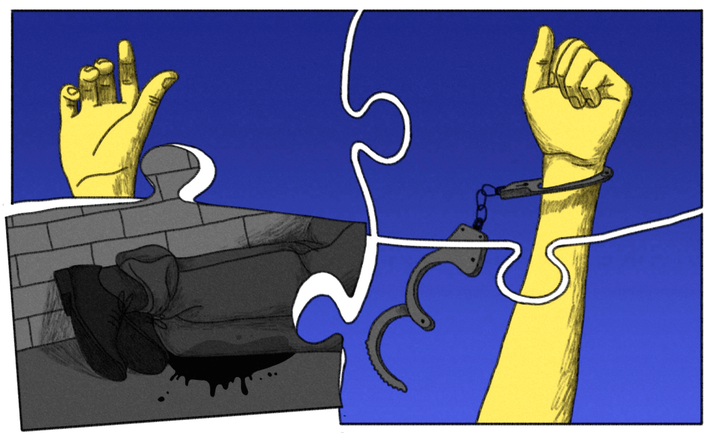

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Новое сжатие

Изначально к компетенции судов присяжных в постсоветской России относились все без исключения категории уголовных дел, которые могли рассматривать областные суды — однако в 2009 году наступило время новых контрреформ. Перечень статей, подсудных присяжным, начал последовательно сокращаться: у них отобрали дела о преступлениях против государственной власти (шпионаж, государственная измена, вооруженный мятеж, диверсия, насильственный захват власти), а также о массовых беспорядках и терактах. Позже присяжных отстранили от решений по делам о взяточничестве, бандитизме и организации преступных сообществ, а в 2013 году — от дел об изнасилованиях и сексуальном насилии в отношении несовершеннолетних, посягательствах на жизнь общественных деятелей, судей, прокуроров и следователей.

Все эти нововведения привели к резкому падению общего числа рассматриваемых присяжными дел: если в 2013 году в таковых насчитывалось 833, то в 2014 — уже 492. В 2013 году суда присяжных лишили женщин, несовершеннолетних и пенсионеров (позже, когда Конституционный суд указал на неравенство подхода, мужчинам старше 65 лет и женщинам это право вернули; законность

нового подхода в отношении несовершеннолетних судьи тогда подтвердили. В 2019-м КС все же разрешил присяжным рассматривать дела против несовершеннолетних, если их судят вместе со взрослыми сообщниками).

В 2009 году президент Дмитрий Медведев предложил внести в Уголовно-процессуальный кодекс поправки, изменяющие территориальную подсудность по особо тяжким преступлениям, связанным с терроризмом. Необходимость в этом мотивировали наличием «реальной опасности для жизни и здоровья» судьи или других участников процесса. «Не секрет, что данная инициатива обусловлена прежде всего тем, что в целом ряде субъектов Российской Федерации, расположенных в первую очередь в южном регионе — это Дагестан, Чечня, Ингушетия, — ситуация такая с учетом и национальных особенностей, и других каких-то структурных составляющих, что зачастую очень сложно бывает сформировать соответствующие составы, обеспечить, как я уже сказал, безопасность участников процесса и обеспечить, чтобы они, выполняя свои, скажем так, процессуальные обязанности, действовали в точном соответствии с законодательством Российской Федерации», — говорил в Госдуме представитель президента Гарри Минх. Поправки приняли единогласно.

Уже в начале следующего года прошел показательный для российской судебной системы процесс по делу о нападении боевиков на Нальчик в 2005 году. Часть обвиняемых обратились в Конституционный суд с просьбой проверить законность рассмотрения дела о терроризме без права на присяжных — и получила

отказ. «Суд присяжных, при всей его важности, все же не является фундаментальным правом, данным человеку при рождении, — постулировал глава КС Валерий Зорькин. — Суд присяжных — это один из способов осуществления судебной власти. Следовательно, государство с учетом сложившейся ситуации может выбирать судебные процедуры для того, чтобы достигнуть справедливого судебного решения».

Расширение и угроза

В 2014 году на встрече правозащитников с президентом глава Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева пожаловалась Владимиру Путину на продолжающееся давление на институт присяжных. Через полтора года Госдума утвердила президентский законопроект о расширении применения судов присяжных: число заседателей в коллегиях при областных судах сокращалось до восьми человек, учреждались коллегии по шесть человек в районных и городских судах, а право на суд присяжных получали лица обвиняемые в убийстве (часть 1 статьи 105 УК) и повлекшем смерть причинении тяжкого вреда здоровью (часть 4 статьи 111 УК). Для обвинительного вердикта в районном суде на шесть присяжных достаточно лишь четырех голосов; при равенстве голосов побеждает оправдательное решение.

Очередная реформа института присяжных шла на фоне затянувшегося процесса в Приморском краевом суде, где с третьей попытки судили

> «приморских партизан» Алексея Никитина и Вадима Ковтуна. Сначала присяжные признали их виновными, потом приговор отменил Верховный суд, дело ушло на повторное рассмотрение — и на этот раз присяжные оправдали Ковтуна и Никитина. Оправдательный вердикт снова не устроил Верховный суд; для нового суда над «партизанами» кандидатов в коллегию присяжных отбирали несколько месяцев. В итоге те вынесли обвинительный вердикт, и «приморские партизаны» получили большие сроки лишения свободы.

1 июня 2018 года закон вступил в силу. В конце декабря председатель Мосгорсуда Ольга Егорова объявила-, что за первые полгода его действия процент оправдательных приговоров резко увеличился: в районных судах Москвы присяжные рассмотрели 11 дел, и «каждый второй вердикт — оправдательный».

«Следователи, увы, разучились собирать и анализировать доказательства. Можно долго рассуждать об особенностях рассмотрения уголовных дел с присяжными, но все должны понимать, что присяжные — это простые люди, которые далеки от юриспруденции, они принимают решение сердцем, исходя из того, что увидели в судебном заседании», — говорила Егорова.

«Например, в Кунцевском и Лефортовском судах присяжные оправдали подсудимых и единодушно признали, что отсутствует событие преступления... по делам об убийстве. Это что же, получается, что у нас два трупа по Москве ходят? Труп убиенного есть, а присяжные вынесли решение, что убийства

не было. Спорно, неоднозначно? Но, тем не менее, вердикты оправдательные, а такие вердикты для суда обязательны», — подчеркивала председатель Мосгорсуда.

Глава Следственного комитета Александр Бастрыкин «в связи с оценкой следствия, высказанной со стороны судейского сообщества», потребовал проверить материалы уголовных дел, по которым были вынесены оправдательные приговоры.

Редактор: Сергей Смирнов